

Феномен юродства в русской поэзии XX века // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» Доклады и сообщения. Том II / Под ред. Р.Г.Тирадо, Л.Соколова, И.Вотякова. – Гранада, 2010. – Том II – С. 1677-1682.

Феномен юродства в русской поэзии XX века

Н.И.Ильинская

mim@datasvit.ks.ua

Вопросы изучения и преподавания русской литературы
Херсонский государственный университет

The report is devoted to consideration of various models and variants of transformation of the phenomenon of godfoolishness in the religious and poetic consciousness of A. Bely, O. Mandelshtam, A. Voznesenskiy, V. Blazhennyu, revealing of typological similarity of its interpretation in Russian poetry on the borderlines of the XX century. В сообщении представлены различные модели и приемы трансформации феномена юродства в религиозно-поэтическом сознании А.Белого, О.Мандельштама, А.Вознесенского, В.Блаженного, выявлена типологическая схожесть его переосмысления в русской поэзии рубежей XX века.

Ключевые слова: юродство, религиозно-поэтическое сознание, типология

Юродство – парадоксальная форма святости и многогранный культурный феномен – занимает особое место в русской литературно-духовной традиции, маркируя православную религиозность и национальную ментальность. Несмотря на дискретность литературных и социокультурных процессов, «память юродства» как «неотчуждаемая топика» актуализирована в поэзии XX века при неизбежных модификациях в индивидуальных стилевых системах.

«Память юродства» восходит к канонической модели, но не сводима к ней. В научной рецепции и поэтическом творчестве XX века она многогранно представлена как путь, тип святости в восточно-христианской духовности; сложный, многоликий феномен, балансирующий на грани между православной церковной и смеховой (низовой) культурой; как форма философской свободы и даже форма судьбы; поведенческий нигилизм и апофатическое взыскание высшей истины; укорененная со времен Аввакума традиция творческого поведения и эстетический принцип писательства (Исупов 2000: 76–77). Показательно, что современные исследователи не ограничивают функционирование юродства форматом православной религиозности, усматривая его модификации в клоунадах футуристов, жизнестроительстве символистов, мистическом «почвенничестве», кодифицируя его как своего рода метатекстовое явление и тем самым как бы обозначая эстетические параметры «светского юродства» (Исупов 2000, Ростова 2008).

Особенно рельефно исследуемый феномен проявляется в поведении и творчестве М. Волошина, Н. Клюева, А. Белого, В. Розанова, В. Хлебникова, А. Ремизова, в поэзии И. Бунина, обэриутов, в частности Д. Хармса, прозе А. Платонова, В.Ерофеева, С. Василенко, в поэзии конца XX века (А.Вознесенский, В.Блаженный, В.Филиппов, П.Лион, К. Решетников). Исследование «памяти юродства» в творчестве О. Мандельштама, А. Белого, А. Вознесенского и В. Блаженного позволяет проследить культурную рецепцию юродства в поэзии XX века, выявить инвариантное ядро, доминантные черты и художественные формы его воплощения в разных стилевых системах, обозначить типологические параллели в поэзии начала и конца XX века.

В культуре Серебряного века, необычайно многоликой по творческому и бытовому поведению, устойчивая репутация юродствующего закрепилась за А. Белым. Об этом пишет Н. Тэффи в довольно хлесткой статье «Чающие от юродивого», считая

романтическо-символистскую концепцию избранности поэта как пророка и прорицателя «лжеюродством» (Тэффи 1908). Называет поэта блаженным и другой его современник – О.Мандельштам: «На тебя надевали тиару – юрода колпак, / Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак» (Мандельштам 1990: 206), но оценивает по-иному. Как в случае с древнерусским юродивым, скрытый смысл поступков которого раскрывается в посмертном признании его святости (возвещение о себе после смерти – инвариантный мотив агиографий о «блаженных похабах»), так и О.Мандельштам, в отличие от Н. Тэффи, подчеркивает трагизм и недоволенность его миссии святого пророка. «Юродство» А. Белого прочитано О. Мандельштамом как сложное переплетение богоизбранности, маргинальности, тотального одиночества-сиротства, непонимания и недооценки при жизни.

Как известно, поведение и речь юрода – это своего рода «загадка», которая требует дешифровки. О. Мандельштамом использован интересный прием: он воссоздает образ А. Белого посредством аллюзивно-реминисцентной образности из стихов и прозы самого поэта. Так, определение его «бирюзовым учителем», «работая» на семантику «отверженного», «изгоя», аллюзивно отсылает к циклу «Бальмонту», в котором актуализирована одна из констант житнетворчества А. Белого – неоднократно декларируемое поэтом родство с Вечностью.

В характеристике А. Белого («собиратель пространства, экзамены сдавший пленец, сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец») особенно любопытно его именование «щегленком». Посредством тонкой ассоциации О. Мандельштам выводит читателя на цикл «Багряницы в терниях», где в образе лирического субъекта наиболее ярко представлены черты юродивого. Уловить духовный смысл этой ассоциации возможно посредством мифопоэтического прочтения образа «щегленка». Как известно, щегол символизирует христианскую Душу, в силу чего в иконографии его изображают в руках Чудного Младенца. В семантику образа вплетается мотив детства, поскольку благодаря красоте и кротости щегол часто становится забавой для детей; однако возможно и иное толкование: дети – укорененные в топосе юродства обидчики блаженных (срв. пушкинского Николку). И, наконец, еще один подтекст. Иконография этой птицы основана на легенде о том, как щегол спустился и вырвал колючку из тернового венца Иисуса по дороге на Голгофу, после чего лоб Спасителя обагрился кровью («багряница в терниях») (Тресиддер 1999: 423). Таким образом, в названии поэта «щегленком» аллюзивно акцентирована его святость, близость Христу, следуя за Которым, он несет свой крест.

Значимые и для младосимволистов, и для юродивого эсхатологические пророчества, поскольку блаженный острее других предчувствует близость Страшного Суда над миром, А. Белый передает в пародийной манере: «Се, кричу вдохновенный и дикий: / Иммануил грядет! С нами Бог» (Белый 1990: 82). Реминисценция из Апокалипсиса, (срв.: Се, грядущий скоро; Ей, гряди, Господи Иисусе – Откр.: 22:12, 20), поддержанная аллюзией на стихотворение В. Соловьева «Имману-Эль», полемически сфокусирована на предмете осмеяния – вере в скорое пришествие Спасителя. Созданный А. Белым трагедийный образ юродивого, в котором трагическое неверие подменяет святость, можно рассматривать как знак серьезного переосмысления традиции. Однако правомерно и другое толкование: не служит ли такое провокативное поведение сокрытию святости – одного из обязательных требований юродства, чему и способствует маска безумца и лже-Христа? И в данном случае мы имеем дело с «отрицательным способом представления нравственного идеала» (Ковалевский 2000: 67), то есть апофатикой. Приведенный пример позволяет говорить об амбивалентности образа юродивого как одной из укорененных его характеристик.

Культурная «память юродства» типологически сближает религиозно-поэтическое сознание модернизма и современной русской поэзии, хотя схожесть и повторяемость процессов исключает неизменность форм художественного воплощения.

Так, А. Вознесенский, в реальной жизни весьма далекий от репутации юродивого автор, в поэзии конца XX века наделяет лирического субъекта парадигмальными чертами юродства. Это безумие с точки зрения так называемых «нормальных» людей; самоназвание «полудурком», «придурком», «уродом»; устойчивое состояние «тоски», причина которой – несовершенство и убожество бытия, способность к культурному протесту против «горделивого и суетного мира», выраженного метафорой «Россия – Желтый дом» (Вознесенский 2000: 68).

Инвариантное ядро «памяти юродства» как особого типа святости у А. Вознесенского представлено «духовным странничеством» лирического субъекта. Результатом его поисков «в пространствах христианства» (стихотворение «Прощай, Аллен») является Вознесение Духа. Топоним Вознесенский переулоч (его поэт обыгрывает коррелятом своей фамилии) приобретает семантику пути избранных, рожденных свыше и отмеченных Божьим даром (Вознесенский 2000: 28). Пространственная оппозиция «трасса – тропа» располагается в координатах христианской аксиологии, где «узкая тропа» подвижничества оценивается положительно в противовес негативным коннотациям «тропы» как ухода от «светлого пути» в тоталитарной культуре. В пересечении духовного вознесения и ценностного горизонта земного пути возникает символический образ креста, который юродивый принимает добровольно как тайный подвиг в подражание Спасителю.

Реконструкция особой речевой выразительности (в древнерусском юродстве – это косноязычие, глоссолалия) ярко представлена в стихотворении А. Вознесенского «Речь». Ее знаком выступает протянутое «а-а-а» – аллюзия на «протяжный выкрик старообрядцев» (Панченко 1984: 97), к которым впоследствии примкнули юродивые, на неистового Аввакума: «С твоим «а» на губах / между нынешними акулами / я проплываю / брассом / твою темную течь. / Дай мне дотянуть от полуночи до Аввакума, / Речь» (Вознесенский 2000: 377). «Протянутое междометие «а» как знак, указывающий на особенность языка (юродивых – Н.И.), употреблялось и в новейшей русской литературе», – поясняет А. Панченко и приводит в качестве примера псевдоним В. Хлебникова АААА – поэта, известного девиантным поведением (Панченко 1984: 97).

А. Вознесенский ощущает себя «последним поэтом», сказавшим «темное слово» («словеса мутна») на «языке русской сегодняшней интеллигенции» невнятно, как юродивый, наделенный пророческим даром. Эти же функции национальной самоидентификации выполняют аллюзивные ссылки на образ Божьей беженки «с ребеночком на руках», уходящей по небу «над лугом погибшим Бежиным» (Вознесенский 2000: 459, 376), образы «канонизированных» в русской культуре «юродивых»: Аввакума, П. Чаадаева, В. Розанова: «Чаадаевской картошки понарою / Волчьей ягоды нажрусь до тошноты» (Вознесенский 2000: 68). В типологически сходном М. Волошину коде юродства современным поэтом осмысливается национальная трагедия «во Христе юродивой Руси»: утрата корней и богооставленность, разрушение русской культуры на фоне торжества «тьмы литературных урок» и «культпросветвышибал». Таким образом, отличительной чертой юродства в поэзии А. Вознесенского является полемичность сознания лирического субъекта, восходящая, как отмечено А. Панченко, к формам «интеллигентного и интеллектуального критицизма» (Панченко 1984: 93-94).

В поэзии В. Блаженного (псевдоним В. Айзенштадта (1921-1999)) «память юродства» реконструируется в координатах, близких национальной ментальности и народной религиозности. Моделируют феномен юродства «биографический миф», специфика религиозно-поэтического сознания, «авторская маска» похаба, которая рассматривается как способ авторского проявления в тексте, набор самохарактеристик, сознательная стратегия творческого поведения.

Псевдоним автора становится исходной посылкой, которая задает параметры его «жития». В его «биографическом мифе» переплетаются такие факты внехудожественной реальности, как доставшиеся «по наследству» убожество и маргинальность, прочитанные поэтом как «нищета духа», избранничество и личный выбор; житейская неустроенность

(инвалидность, пресловутый «пятый пункт»), состояние долгого внелитературного творческого пути.

Самоопределение поэта юродом происходит как косвенно, так и прямо. Примечательно, что сборник «Возвращение к душе» (1990) начинается стихотворением «Мать, потеснись в гробу немного...». Поэт- визионер моделирует ситуацию, в которой измученная душа сына приходит к умершей матери в образе бездомного щенка. Показательны и другие примеры, когда собака, являясь «социальной и корпоративной приметой юродства», «знаком отчуждения» (Панченко 1984: 130), выступает зооморфным двойником лирического субъекта и даже самого Господа Бога («Приснился мне Господь, бредущий за горами, / Он брел в обличье пса ...И брел я рядом с ним с суровой любовью / Собаки-старика» («Давно-давным-давно...)). Визионерство автора реализуется посредством поэтики, присущей религиозно-дидактическим жанрам: это сон, видения, молитва («моление»), диалог, воссоздающий ситуацию общения с трансцендентным миром.

Показательный ряд самоназваний лирического субъекта В. Блаженного в словесной парадигме юродства: побирушка, изгой, оборванец, скиталец, бродяга, пилигрим, блаженный, убогий, изгой, калека, нищеврод, дурак – можно дополнить и другими самохарактеристиками. Они отражают творческую сторону личности, аккумулировавшую черты странствующего поэта-юрода: «сумасшедший, прохожий чудак», «звездный странник» «поэт, свихнувшийся в Духе», «бог и даже больше Бога», «шут у Господа, у Бога». И если подвижничество юродивого, как правило, рассматривают на фоне таких концептов, как грех, благодать, святость (Иванов 2005: 24), то, не отрицая важности этих категорий для религиозно-поэтического сознания В. Блаженного подчеркнем: в феномене его «мирского юродства» (П. Бицилли), как и в русском модернизме, духовно-эстетической доминантой выступает творчество: «Я не только твой шут, я избранник твой, Господи, тоже... / Я не только твой шут, я твоя боевая труба». Творчество В. Блаженного, его «святая повесть» находится на границах культурно-освоенного мира, оно вырастает из реального и ментального ухода от условностей и ценностей социума.

В юродстве лирического субъекта В. Блаженного ярко выражено мироощущение, пассионарно попирающее любую ограниченность, закрепленность, частность. Его потребность странничества в поисках Абсолюта и души проявляется как одна из сторон русского сознания, которое не любит устроения града земного и на тех или иных путях ищет Града Небесного, Нового Иерусалима. «Вечный концепт духовного странничества» в поэзии В. Блаженного образно представлен в парадигматике пути (дорога, пыльный путь, торная земля, большак, стезя, господний луг, даль далевая, лихая дорожка, простор), мотивах «блаженной» нищеты духа, бродяжничества и нищенства, свободы-воли, реального и ментального «ухода из культуры», в эсхатологических пророчествах «мнимого безумца». При этом неизменным остается взыскующее богопознание.

В. Блаженным актуализирован фольклорный мотив гонимого, неузнанного Бога, «калики перехожего» (традиция новокрестьянских поэтов), такого же изгоя, как и сам поэт-юрод. В корпусе стихов В. Блаженного щедро рассыпаны свидетельства их сердечной близости: «Ах, Господь, ах дружок, ты, как я, неприкаянный нищий. / Даже обликом схож и давно уж по-нищему мертв»; «Я беседовал долго со странствующим иудеем, / А потом оказалось – беседовал с Богом самим». Сразу же оговоримся – это не единственная тональность в затянувшимся на всю жизнь «рифмованном разговоре с Богом» автора – ему присущи неистовость богоборчества, гневные инвективы в адрес Создателя, что наиболее ярко выражено авторской маской многострадального Иова («Это ты, а не я, мой Создатель, дурак / С атрибутами бури и грома...»). Как представляется, эпатажное «богоравенство» спровоцировано слишком прямолинейно заявленным родством: «Я пребываю в сумасшедшем доме, / Негласный сын Христа». В результате метафизическая близость, усиленная общей «сирой судьбой», позволяет похабу «ругаться» не только миру, но и его Творцу. А поскольку в поэтическом мире М. Айзенштадта Вседержитель – блаженный, то,

по стереотипной формуле юродства, должен принимать от «безумных человек» «много досаду, и укорение, и биение, и пхание» (Панченко 1984: 87). Именно в этом нам видится «разгадка богоборческих кошунств разного рода»: болезненно реагируя на греховность и безблагодатность жизни, лирический субъект В. Блаженного обращает укоризну «даже не столько к миру, сколько к его Создателю, который почему-то терпит несовершенство собственной твари» (Иванов 1994: 189).

Таким образом, в религиозно-поэтическом сознании рубежей XX века феномен юродства представлен в различных трансформациях и художественных воплощениях. Инвариантным ядром, как и в каноническом юродстве, остается святость: уподобление лирического субъекта Христу, путь духовного спасения и постижения истины, новой чертой – особая поведенческая модель «не от мира сего» поэта-юрода. Выделены семантические аспекты парадигмы юродства, доминирующие в религиозно-поэтическом сознании каждого из авторов и отличные от других: в поэзии О. Мандельштама – это трансформация мотива посмертного признания святости юродивого; в поэзии А. Белого – переосмысление традиции в амбивалентном образе безумца-пророка и лже-Христа, в котором, с одной стороны, трагическое неверие подменяет святость, с другой – провокативное поведение способствует ее сокрытию как обязательному условию юродства. В поэзии А. Вознесенского юродствование, всегда предполагающее «ради», свободно от маркированности облика; оно осуществляется «ради» защиты духовности и национальной культуры, напоминая «горделивому и суетному миру» об абсолютной шкале ценностей, что в ситуации релятивизма и кризиса воспринимается аномалией. Особенности юродства в поэзии В. Блаженного проявляются в реконструкции пути нищего странника-юрода как восхождения к Богу; утверждении подобия Творца и творения в юродстве; акцентуации богоизбранности в творческой ипостаси блаженного.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белый А. (1990): Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Художественная литература. Москва.
Блаженный В. (1990): Возвращение к душе. Советский писатель. Москва.
Вознесенский А. А. (2000): Лирика. Издательство «Астрель», Олимп». «Издательство АСТ». Москва.
Иванов С. А. (1994): Византийское юродство. Международные отношения. Москва.
Иванов С. А. (2005): Блаженные похабы: Культурная история юродства. Языки славянских культур. Москва.
Исупов К. Г. (2000): Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. Наследие. Москва
Ковалевский Иоанн (священник) (2000): Подвиг юродства. Лепта-Пресс. Москва.
Мандельштам О. Э. (1990): Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Художественная литература. Москва.
Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. (1984): Смех в Древней Руси. Наука. Ленинград.
Ростова Н. (2008): Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления юродства Христа ради). Московский государственный индустриальный университет. Москва.
Тресиддер Дж. (1999): Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. ФАИР-ПРЕСС. Москва.
Тэффи Н. (1908): Чающие от юродивого // <http://www.teffy.ru/memo/articles/chajuschije.phtml>
Юрков С. Е. (2003): Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX века). Изд-во Летний сад. Санкт-Петербург.

